Большинство моих детских воспоминаний поблекли и были размытыми, но этот момент я запомнила хорошо, потому что впервые видела, как мама плакала из-за сердитых криков дедушки, и это привело меня в замешательство. Мама в слезах. Это была шокирующая сцена для юной меня.

Затем я тщательно обдумала слова дедушки. Он сказал, что я стану уличной бродяжкой, и нет смысла меня учить. В то время мне было трудно понять его слова. Но теперь я всё осознала. Это означало, что нет нужды обучать меня, напрасно растрачивая время и человеческие ресурсы, если окажется, что моя способность бесполезна.

Хотела бы я, чтобы он был неправ, но этого не случилось. Как и ожидал мой дедушка, последующие тесты выявили, что я бесполезный человек. В результате способ получить надлежащее образование, естественно, исчез.

Когда Лейн и Лиззи приходили ко мне каждый день и хвастались тем, что узнали сегодня, я даже не подозревала, о чем они говорят, и просто завидовала. Позже, читая в книгах об аристократах из «благородных семей», я ощущала смутную тоску. Из сказок можно многое подчерпнуть, но я читала их с мыслью: «Насколько шире для меня бы открылся мир, если бы я получила надлежащее образование».

«В детстве я хотела учиться».

Но когда пришло время получить образование, я боялась даже попытаться. Возможно, дело было в том, что очень долгое время я ничего не могла нормально начать? До сих пор каждый раз, когда я пыталась что-то сделать, суровая реальность останавливала меня, поэтому я всё бросала. Бездушная действительность словно провела черту, говоря, что вот здесь мое место. Бесчисленные прерывания моих начинаний в итоге сделали из меня трусиху.

— О чем ты думаешь?

Кин подошел ко мне и взял меня за руку. Я опустила взгляд. Теперь сюда тоже начали падать солнечные лучи. Моя рука тоже засияла, словно кожа Кина испускала белый свет. Хотя история моих взлётов и падений была в далёком прошлом, я не могла избавиться от затаившегося во мне страха. Мне нужно было перестать выбирать прятаться, убегать и умирать в одиночестве. Кин мне столько всего дал и всегда шел навстречу, поэтому я тоже должна быть смелой. Я посмотрела на бумаги, которые он убрал.

— Документы, которые тут лежали.

Услышав это, Кин нахмурился. Он, казалось, думал, что я призываю его снова работать.

— Я сделал всю свою работу. Ты же видела. Могу я немного отдохнуть с тобой? М?

Он надул губы, пытаясь быть милым, что совсем не подходило его комплекции. Я знала, что всё это уловка, но решила оставить всё, как есть, притворившись, что не заметила.

— Я не собиралась заставлять тебя работать. Хочешь сделать больше?

— Нет, конечно, нет. Я бы хотел сделать больше, но у меня не осталось работы.

Я вспомнила, как осматривала особняк вместе со свекровью, и перед глазами всплыло размытое изображение лиц помощников Кина в его кабинете, которые усердно работали, каждый на своем месте. Если бы они услышали, как он говорит, что хотел бы сделать больше, но работы не осталось, разве это не разбило бы им сердце? Если подумать, тогда я видела горы документов.

Но Кин с невинным лицом заявил, что это не так. Когда он просматривал документы, то сидел с мрачным видом, но сейчас Кин изображал из себя несмышленыша, напоминая мне мальчика, который кричал: «Волки». Я имею в виду, что он выглядел как отъявленный лжец.

Мне было жаль его помощников, но сейчас я не могла заставить Кина работать больше. Скоро мне станет лучше, и я как-нибудь выпровожу его. Сейчас он совсем меня не слушался.

Я похлопала Кина по тыльной стороне ладони свободной рукой. Подобрав слова, я продемонстрировала решительность, как сегодня утром.

— Документы, которые ты просматривал. Я хочу научиться понимать их. А также обучиться всему, что я должна делать как эрцгерцогиня.

Похоже, что с тех пор, как я решила жить, я чаще высказываю свое мнение о том, что хочу. Я задалась вопросом, всегда ли я желала сделать так много всего. За эти два дня я уже несколько раз обращалась с просьбой.

После моих слов взгляд Кина дрогнул. Мне было трудно прочесть эмоции в его глазах. Ему тяжело принять разницу между тем, что человек, у кровати которого он сидел, раньше спрашивал, зачем ему жить, а теперь просит узнать что-то? Или он рад?

Кин крепко сжал мою руку.

— Я расскажу тебе всё. Я буду учить тебя, пока тебе не станет лучше, а затем приведу кого-нибудь, кто постепенно тебя обучит всему. Ты умная, поэтому для тебя это будет не сложно.

Кин лучезарно улыбнулся. Его глаза, вторя улыбке, мягко прищурились. На его залитом солнцем лице не было ни тени печали. Но это продолжалось совсем недолго. Уголки губ Кина начали медленно опускаться вниз. Его глаза тоже стали печальными. Я не могла не удивиться внезапной перемене. Почему он вдруг загрустил? Что случилось?

Когда я осторожно приоткрыла рот, чтобы спросить, почему, Кин понял, что я хочу спросить, и ответил, опередив меня.

— Увидев, что ты хочешь научиться чему-то новому и сделать что-то для себя, я подумал, не стоило ли пройти медосмотр и тест на способности в первые дни твоего пребывания здесь.

Кин сожалел об этом. Но я была не согласна с его мыслями. Даже сейчас мне было тяжело думать об этом и принимать решения. У меня было предчувствие, что, если бы он попытался сделать это тогда, то я сбежала бы и сейчас меня здесь не было. Нет, я была уверена в этом.

Кин попытался подавить свое сожаление и вину. Он продолжил неуверенным голосом:

— Как только ты приехала сюда, я подумал, что тебе нужно пройти обследование, но, понаблюдав, я не заметил особых проблем со здоровьем, поэтому решил, что это можно сделать немного позже. Я хотел, чтобы ты прошла тест на способности и регистрацию, но мне казалось, что ты избегаешь даже упоминания даже этого слова, поэтому отложил всё на потом.

Это объясняло, почему он не сказал мне об этом раньше. Хотя это касалось меня, но, даже узнав о том, что у меня есть способность, я бы не подумала о том, чтобы зарегистрировать её. Меня так много раз тестировали, что даже мысль об этом мне претила. Кин, предвидя это, отнёсся ко мне с вниманием.

«Не знала, что он думал об этом».

Хотя я была рядом с Кином, но беспокоилась лишь о том, когда узнают о моей болезни. Я чувствовала себя счастливой с ним, но меня больше волновало, когда это счастье оборвётся. Услышав мысли Кина, мне стало немного стыдно за то, что я беспокоилась лишь о таких вещах. Он так много думал обо мне, а я…

— Прости… Пожалуйста, притворись, что не слышала, что я только что сказал. Ещё не поздно делать всё это постепенно, а я говорю всякую ерунду.

Кин занялся бессмысленным самокопанием. Такими темпами из-за угрызений совести он зароется по самую макушку. Поспешно схватив Кина за руку, я крепко сжала её.

— Спасибо тебе за то, что так заботишься обо мне.

— …

— Не извиняйся. На самом деле я не думала об этом. И, как ты и сказал, ещё не поздно начать… Впереди у нас полно времени.

Как только я сказала это, то пожалела о последних словах. Я не была уверена, что у меня полно времени. Хотя я пообещала жить, но меня пугала низкая вероятность в 30%. Как я могла быть уверенной, если выживало только три человека из десяти? Но сказанного не воротишь.

Услышав мои слова, Кин широко распахнул глаза, а затем мило прищурился. Его лицо стало таким красивым, что не шло ни в какое сравнение с мрачным видом.

— …Да, ты абсолютно права. У нас ещё полно времени.

Мое сердце сжалось от его слов, наполненных надеждой. Возможно, исход будет положительным. Нет, предположения недостаточно. Так должно быть. Я подавила свое беспокойство и улыбнулась так же, как Кин. Какое-то время он смотрел на меня, а затем поднял мою руку и прижался губами к ладони. Освещённый солнцем, Кин выглядел как святой, поэтому казалось, что он совершал какой-то священный ритуал. Почему-то мне пришло в голову, что эта церемония была ответом и благословением на мою пустую молитву о том, чтобы мне позволили жить.

Его губы оторвались от ладони. Затем Кин медленно поднял голову. Красными губами, которыми он целовал мою ладонь, Кин произнёс, как обычно, что любит меня. Я больше не могла игнорировать это признание.

— …Я тоже.

Кин замер на мгновение, а затем пришел в себя. Святой куда-то делся, и теперь передо мной был лишь влюблённый глупыш с замедленной реакцией. Он потребовал ответить ему ещё раз.

— Я не слышал. Ещё раз…

К сожалению, слова о том, что он хотел потребовать, были заглушены стуком в дверь. Посмотрев на часы, я поняла, что настало время сеанса лечения. Сдерживая смех, я проигнорировала его настойчивый взгляд.

— После лечения я спрошу ещё раз. Но хочу услышать полное предложение, а не отдельные слова, как сейчас. Поняла? Вдруг вышел из себя. Даже не знаю, на кого я злюсь. Нет, для начала я и не сердился вовсе.

Вчера я сказала Кину, что люблю его, так нужно ли так раздражаться и стараться, словно он впервые слышит это? Вот почему я не хочу ничего говорить и сберечь эти слова. Так хочется его подразнить.

Мысленно я поддерживала грандиозный план Кина. Держись. Надеюсь, ты сможешь услышать полное предложение.

Кин, который бесновался в одиночестве, протяжно вздохнул, словно пытался успокоиться. Он попытался успокоить меня, крепко сжав мою руку, прежде чем ответить доктору, чтобы тот вошел.

— Просто делай то же, что и вчера, и всё будет хорошо. Даже если будет больно, потерпи немного, позже тебе дадут обезболивающее… Просто потерпи немного.

Глядя на его лицо, казалось, что это его будут лечить, а не меня. Именно он был напряжён, а не я. Лицо Кина было мрачным и печальным, возможно, он вспоминал, как мне вчера было больно после сеанса лечения.

http://tl.rulate.ru/book/52588/2786967